

2-СЕКЦИЯ
АДАМ, АДАМГЕРШЛІК ЖӘНЕ МӘДЕНИЕТ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

СЕКЦИЯ 2.
ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА, НРАВСТВЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

**НРАВСТВЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА КАЗАХОВ В ЗАПИСЯХ
ПОЛЬСКОГО ССЫЛЬНОГО АДОЛЬФА ЯНУШКЕВИЧА⁴²**

Эвертовски Т.
г. Познань, Польша

Предмет доклада – это представление нравственности и культуры казахов в дневнике и письмах Адольфа Янушкевича, польского ссыльного, который был в тридцатых годах XIX века сослан в Сибирь. С 1842 года начал работать в Пограничном управлении сибирских киргизов. В это время, из-за своей должности, путешествовал по территории сегодняшнего Казахстана. Его записки, письма и дневник считаются важным источником для исследования истории и этнографии казахов, они переведены на несколько языков, в том числе на русский и казахский [Kuczyński, 2007; Makowski, 1969; Odrowąż-Pieniążek, 1956; Odrowąż-Pieniążek, 2003].

С начала, одна терминологическая заметка. Янушкевич пишет про киргизов потому, что среди россиян в XIX веке этот этноним означал казахов. В докладе сохраняется и употреблён Янушкевичем этноним, но надо помнить, что он пишет о казахах, а не о нации киргизов (которую в это время называли кара-киргизами, чёрными киргизами [Бартольд, 1998, с. 189]), поэтому в тексте доклада будет он использован в кавычках.

Личность и дело Янушкевича очень интересные. С одной стороны, он сам был жертвой репрессивной системы царской России, с другой, работая в Пограничном управлении сибирских киргизов, принимал участие в подчинении казахов Империи. Но его подход отличается от подхода русских чиновников этого времени. С одной стороны, он в восторге от «киргизской культуры». С другой, Янушкевич всё время смотрит с евроцентрической точки зрения. Поэтому, представление культуры и нравственности в его письмах, многозначно. В докладе оно будет анализировано с точки зрения постколониальной теории, чтобы показать сложности взглядов Янушкевича. Обсуждаться будет 5 проблем: 1) увлечение экзотикой и европоцентризм, 2) отношение знания и власти, 3) «киргизы» и европейская идея истории, 4) способность угнетённых говорить 5) изобретение степи.

Экзотика и европоцентризм

Культура киргизов и природа степи, экзотические для европейца, произвели большое впечатление на Янушкеича. Это был один из факторов, которые помогли

42 Доклад написан в рамках научного проекта Национального Центра Науки Польши № 2011/03/N/HS2/01724. Проект финансируется из средств Национального Центра Науки Польши по решению номер DEC-2011/03/N/HS2/01724. Автор – стипендиат Фондации Университета им. Адама Мицкевича в 2013 году.

ему забыть о трудной жизни ссыльного. Янушкевич увлекался культурой киргизов и ценил её. Под влиянием первой фазы польского романтизма и философии, Иогана Гердера, Янушкевич был заинтересован в фольклоре, и, конечно, казахские обычаи и поэзия были ему очень интересны. Например, в письме Густаву Зелинскому, тоже ссыльному и своему другу, Янушкевич утверждал, что нельзя говорить неправду о жизни «моих любимых киргизов», [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. CCVI]. В письме своему брату Януарему, польский автор с аффектацией писал, что теперь он выглядит как киргиз, носить халат, чамбары, вышитые шёлком, казахский аракчин [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. CLXXII].

Таких примеров у Янушкевича много и они показывают его увлечение экзотизмом. По голландском литературоведу, Епу Леерссену, такое увлечение, несмотря на благоприятные отношения к другой культуре, это просто еще одна версия этноцентризма, так, как использует сильную оппозицию «свой – чужой» [Leerssen, 2007, с. 325]. Письма Янушкевича являются отличным примером такого явления. Хотя польский автор положительно оценивает «киргизов» и делает юмористические попытки отождествлять себя с ними, но всё равно смотрит на них с европоцентрической точки зрения. Кажется, что полезные для интерпретации такого положения могут быть слова Эдварда Саида о Ричарде Бертоне: «он – европеец, для которого такое знание восточного общества, каким он обладает, возможно лишь для европейца, понимающего общество по европейски: как собрание правил и обычаев. Другими словами, для того чтобы быть европейцем на Востоке – и притом быть знающим европейцем – надо видеть и знать Восток как область, управляемую Европой» [Саид, 2006, с. 308]. С этой точки зрения, когда Янушкевич отождествляет себя с «киргизами» и увлекается экзотикой, он делает это как европеец, знающий разные формы общества. Подражание киргизского образа жизни Янушкевичем – игра в переодевание, выражающая культурную доминацию.

Знания и власть

В отношении к знаниям об экзотической стране, появляется вопрос связи между исследованиями и властью. Янушкевич посещал степь как сотрудник царской власти. Тем не менее, в письме, написанном из Семипалатинска 14 мая, вскоре после выхода из Омска, цели этой миссии являются совершенно различными. Шутя, Янушкевич пишет, что он будет путешествовать не как английский турист, а целью его похода есть открыть в киргизских песках вторую Ниневию [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. 8].

Первая половина XIX века была периодом великих европейских археологических открытий, например, в сороковых годах были проведены раскопки в библейской Ниневии, к которым относится Янушкевич. Он хотел в степи открыть останки столицы старого монгольского государства – Каракорум. Хотя он пишет о своем плане шуточно, но во время путешествия по степям и посещения аулов, в дополнение к своим служебным обязанностям, Янушкевич также спрашивает о Каракорум и о происхождение «киргизов». Появляется проблема отношения между властью и знанием, значительная для постколониальной теории. С одной стороны, подчинение других стран формирует условия для исследования их европейцами, с другой – знание создает условия для сохранения власти и подтверждает чувство цивилизационного превосходства [Gandhi, 2008,

с. 45–63]. Янушкевич может путешествовать и разговаривать с «киргизами» так, как сотрудник царского режима, а приобретение знаний о казахах может быть использовано для контроля.

«Киргизы» в приемной истории

Факт, что это Янушкевич, европеец, ведёт исследование о киргизах, связан со взглядами на Европу как на образец исторического развития. По Гайрату Сапаргалиеву и Владимиру Дякове, работы Янушкевича отличаются от официальной историографии XIX века потому, что польский ссыльный чувствовал симпатию к казахскому народу, а под покровом нищеты видел способность сильного развития нации в будущем [Sapargalijew, Djakow, 1982, с. 106]. Действительно, хотя Янушкевич жаловался на леность «киргизов» [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. 296] и писал, что у них нет просвещения [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. 279–280], то высоко ценил их культуру и интеллектуальные способности. В восторге от поэзии киргизов писал:

«И это дикие варвары? И это народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишёнными всякого иного будущего?! О нет! Воистину! Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух её проникнет когда-нибудь в киргизские пустыни, раздует здесь искорки света и придёт время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз, как высшие касты Индостана на несчастных париев.» [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. 95]⁴³.

Видно, что Янушкевич не делит расистских взглядов европейских колонизаторов, которые утверждали, что подчинённые народы – это раса ниже, чем европейцы. В этом действительно заслуга Янушкевича, но, с другой стороны, надо заметить его евроцентризм. Янушкевич использует интеллектуальную схему, описанную Дипешом Чакрабартти в работе «Провинциализируя Европу» [Chakrabarty, 2011]. По мнению индийского исследователя, созданная в Европе идея историзма, обобщала партикулярные процессы, происходящие в рамках западной цивилизации. Согласно с идеей историзма, история в других частях мира должна следовать европейскому примеру, но с задержкой. Таким способом, историзм был оправданием цивилизаторской миссии, потому что Европа – это родина Просвещения и современности, а другие народы могут только повторить европейский путь [Chakrabarty, 2011]. Янушкевич в цитированном фрагменте помещает «киргизов» в «приемной истории» [Chakrabarty, 2011, с. 10]. Пишет, что в будущем, цивилизация проникнет в киргизскую степь и превратит её в место просвещенное, в смысле европейское. Таким образом, хотя автор писем очарован культурой казахов и хвалит их умственные способности, всё равно пользуется в оценках матрицей европейской цивилизации.

Могут ли киргизы говорить?

В отношении к этнографическим исследованиям Янушкевича, стоит поставить вопрос из известной статьи Гайятри Чакраворти Спивак «Могут ли угнетённые говорить» [Спивак, 2001]. Лата Мани в связи с этой проблемой

43 Цитаты из писем и дневника Янушкевича на русском языке из перевода Фании Стекловой: [Янушкевич, 2005].

добавляет следующие вопросы: «Какие группы угнетённых присутствуют в тексте? Какая связь между этими группами? Каким способом, в зависимости от контекста, они слышны или нет?» [Loomba, 2011, с. 254]. Это особенно интересно, если посмотреть на ситуацию Янушкевича, который был ссыльным, проживающим за тысячи километров от родной страны, и на своем родном языке мог общаться только через цензурованные письма или в разговорах с другими ссыльными. Он хотел написать работу о казахах, хотя не успел осуществить своих планов, а его письма и дневник считаются важным источником. Не знал казахского языка и, описывая культуру казахов, пользовался чуждым этнонимом «киргиз». В этом можно увидеть описанное Саидом обуздание другой культуры дискурсом европейской науки. Принимая все это во внимание, можно увидеть многослойную структуру. Янушкевич, выступая от имени казахов, создает о них свой рассказ, но он сам, как рассказчик, является «угнетённым» и частично лишённым возможности говорить.

Изобретая степь

По исследованиям теоретиков имажинативной географии, описание всегда выражает мировоззрение и культуру описывающего, даже если описывает он реальные места, в которых побывал [Bassin, 1991; Wolff, 1994; Maier, 2007; Said, 2005; Said, 2011; Todorova, 2008]. Такой же и случай Янушкевича: описывая степь и обычаи народов степи, пользуется популярными картинками из архива колониализма XIX века. Например, себя сравнивает с бедуином. В письме пишет: «Ты, наверное, удивишься, с чего это я так летаю, словно арабский бедуин по своей любимой пустыне» [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. 310]. В этом видны идеи романтического ориентализма. О бедных казахах, которые работают для богачей, Янушкевич пишет, что напоминают ему негров на плантации. Когда девушка, при его появлении «не прикрыла свои прелести» [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. 270], ему припомнились таитянки и жительницы всех островов Тихого океана, где прекрасный пол живёт в состоянии натуры. Видно, что Янушкевич смотрит на казахов, как на «благородных дикарей». На другом месте польский автор контрастирует великодушных и дружелюбных казахов с псевдо-цивилизованными жителями Неаполя, говоря «Сравнивая тех псевдо-цивилизованных обитателей одной из европейских столиц с этим народом, что окружает меня сегодня, увы! я чувствую, что не так легко было моему сердцу в итальянском раю, как в киргизской пустыне» [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. 62].

Кроме того, Янушкевич сравнивает миссию, в которой он участвует, с британской колонизацией Индии: «Если вы читали Жакмона и помните описание похода великого правителя Индии из Калькутты на берега Сутледжи, наша сегодняшняя поездка очень сильно напоминает его. Вся разница только в том, что там были слоны и паланкины, а у нас верблюды и юрты». [Januszkiewicz, Wrotnowski, 1861, с. 75]. В другом фрагменте сравнивает охоту на тигра над озером Балхаш с охотой на тигра в Индии. Пишет также о победе европейской цивилизации в Пенджабе над Сикхами. В этих замечаниях с одной стороны является ощущение принадлежности к европейской цивилизации, но с другой стороны видно соперничество между двумя колониальными державами (ведь это период большой игры).

Итоги

В докладе были представлены проблемы, касающиеся образа культуры казахов в письмах Адольфа Янушкевича. Польский автор увлекается экзотической культурой, но всё время для него существует только одна настоящая цивилизация – европейская. Янушкевич ценит казахов, как благородных дикарей, находящихся «в приемной истории», очень положительно пишет о их способностях, чтобы принять европейское просвещение. В его письмах европоцентризм и вера в цивилизаторскую миссию были смешаны с неподдельным восхищением «киргизами».

Библиография

1. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the early nineteenth century. // *American Historical Review*. 1991. Т. 96. № 3.
2. Wolff L. Inventing Eastern Europe. The map of civilization on the mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994.
3. Chakrabarty D. Prowincjonalizacja Europy: myśl postkolonialna i różnica historyczna. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2011.
4. Gandhi L. Teoria postkolonialna: wprowadzenie krytyczne / под ред. E. Domańska. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008.
5. Januskiewicz A., Wrotnowski F. Żywot Adolfa Januskiewicza i jego Listy ze stepów kirgizkich / под ред. F. Wrotnowski. Berlin, Poznań: Księgarnia B. Behr'a, 1861.
6. Kuczyński A. Gdzie step szeroki - z dziejów związków polsko-kazachskich (cz. II) // *Zesłaniec*. 2007. № 31.
7. Leerssen J. Exoticism // *Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey* / под ред. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam - New York: Rodopi, 2007.
8. Loomba A. Kolonializm - postkolonializm. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2011.
9. Maier A. Travel writing // *Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey* / под ред. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. С. 447–500.
10. Makowski S. Adolf Januskiewicz odkryty w Kazachstanie // *Przegląd Humanistyczny*. 1969. № 3.
11. Odrowąż-Pieniążek J. Dzieje Mickiewiczowskiego Adolfa // *Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego*. 1956. № 1.
12. Odrowąż-Pieniążek J. Przedmowa // *Listy z Syberii* / под ред. H. Geber. Warszawa 2003: *Czytelnik*, 2003.
13. Said E. Orientalizm. Poznań: Zysk i S-ka, 2005.
14. Said E. Kultura i imperializm. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011.
15. Sapargalijew G., Djakow W. Polacy w Kazachstanie w XIX w. Warszawa: *Czytelnik*, 1982.
16. Todorova M. Bałkany wyobrażone. Wołowiec: Czarne, 2008.
17. Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын, 1998.
18. Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: *Русский мир*, 2006.
19. Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // *Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия*. Харьков, Санкт-Петербург: ХЦГИ, Алетейя, 2001. С. 649 – 670.
20. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алматы: ЭКО, 2005.